

Земляки всех сел – объединяйтесь!



ЗЕМЛЯЧКА



№11 23 июля 2011г.

Ежегодное издание неформальной, общественно-приятельской организации
«Землячество Дурасовка-Озерное»

Внимание! Следующее Вече состоится 21-го июля 2012 года! Внимание!



Колонка редактора

Вдова солдата

Во всем мире жизнеспособность нации измеряется отношением общества к своим старикам и детям. Кажется у нас с этим все в порядке. Помните, даже в песнях пели: - «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!...». Тему молодых мы сейчас трогать не будем. – это отдельная не очень веселая песня, а вот о стариках поговорим.

Тут каждый ждёт, что автор сейчас обрушится на наше «родное» правительство и государство – внимание минимальное, пенсии мизерные, вспоминают только по праздникам и то далеко не всех. Здесь почти все верно, но стоит вспомнить пятнадцатирублевые колхозные пенсии, которые были ещё на нашей памяти, и перемены очень даже заметны. А вот с каждым из нас что-то случилось. Живут рядом старики ну, и, слава Богу. У них своя жизнь, а у нас своя. А ведь старикам помимо еды и ухода, нужны и почет и внимание. От этого они живут дольше и не гnevят Бога - вот, мол, зажилась я лишнего! К своему стыду, схоронив своих родителей, я тоже как-то самоуспокоился, что свой долг я исполнил. Хорошо ещё, что среди нас есть люди, которые так не считают.. Обо всём этом мне напомнила Сараева Валентина Климовна, одна из самых активных местных «землячек». Она не пропускает ни одного нашего собрания, а замечания делает очень практичные. Однажды она рассказала мне о соседке, Аникиной Анне Ивановне которой исполнилось 96 лет. Та, хоть и утратила возможность передвигаться, но сохранила ясный ум и неплохую память. И вот мы вместе напросились в гости к Анне Ивановне. И здесь, ведя не очень оживленный разговор, я на 66-ом году жизни понял –

ведь не столько мы нужны старикам, как они нам. Мне казалось, что о прошлой жизни, о войне, о голодовках и о работе на износ я знал предостаточно, но только один эпизод из жизни Анны Ивановны поразил своей обнаженной болью.

Вдовой Анна Ивановна стала в первые дни войны. На руках остались трое детей и на всю оставшуюся жизнь воспоминания о своем Пане, Панюшке, Павле Дмитриевиче.



Расставаясь Павел сказал: - «Оставайся одна. Я не вернусь». Когда в Белгазу пришел с фронта односельчанин Иван Лобанов, он спросил: - «Ждешь Паньку-то? Не жди, его на моих глазах убили. Не жди». Вот так ждала-не ждала все семьдесят лет простая вдова простого русского солдата. Растила своих и чужих детей и, изо все сил ломила колхозную работу. Сенокос – поря горячая, трудная, а есть нечего. Попросила у соседки

несколько перьев зеленого лука. Поела и опять в работу. *Разве такое можно придумать!!! А осенью, на пару с сестрой, впрягались в соху и на колхозном поле картошку выпахивали.*

Рядом со мной сидел и слушал правнук, семиклассник Юрка Тараканов, смысленный и симпатичный парнишка. Запоминай, Юрка!

А потом пришла соцработник Наталья Руденко. От неё веяло доброжелательностью и любовью к своим подопечным. При ней, даже Анна Ивановна начала прихорашиваться, и разговор пошел живее. Но ведь дело не в словах. Односельчане! Земляки! По чаще обращайтесь внимание на живущих рядом стариков, помогайте им, а они помогут вспомнить, понять и переосмыслить вашу собственную жизнь к лучшему. Добро имеет свойство возвращаться.

А Анне Ивановне низкий поклон от имени всех земляков. Трудная жизнь – это ещё не подвиг. Подвиг – прожить её достойно.

Олег Чернов

Последний звонок

Наша «Землячка» не будет изменять традициям и делает маленький фотоочерк о «Последнем звонке» в нашей школе 25-го мая 2011 года.



Золотые наши россыпи

Рассказы о наших родителях. Сегодня рассказывает Татьяна Леднева(Шевцова) о своем отце, Ледневе Борисе Степановиче. Не в правилах нашей миниатюрной газеты печатать столь обширные материалы, но сегодня делаем исключение. Ни править, ни сокращать статью рука редактора не поднялась. Многие из нас помнят дядю Борю, матроса, пчеловода и просто замечательного человека. Мальчишками мы бегали к нему на пасеку, прихватив горбушку хлеба – в мед макать. Не важно, знакомы вы или нет – миска с медом появлялась на столе обязательно.

Сейчас уже мало кто помнит моего папу – Леднева Бориса Степановича, который родился и умер в своем родном селе Дурасовка. А в середине 20-го века он был заметным человеком в селе. Хотя он не занимал никаких постов, к нему зимой и летом шли люди, старые и молодые, даже дети, со своими проблемами и каждому он старался помочь. Поэтому те, кто еще помнит его, просят написать о нем.

Родился мой папа 15 мая 1915 г., как записано в его свидетельстве о рождении, в селе Дурасовка, деревня Идолга, в домике при водокачке последним восьмым ребенком в семье. Отцу его тогда шел 51-й год, он работал железнодорожником с момента строительства нашей ветки железной дороги, а последние годы своей жизни – на водокачке. Двадцатые годы прошлого века были очень беспокойными. В Москве, Ленинграде был голод, многие горожане, особенно интеллигенция, уезжали в деревни. Жили они и в нашем селе. Их семьи общались с местными жителями, дети дружили. Благодаря такому общению, папины сестры и братья увлеклись музыкой, пением: сестры научились играть на гитаре, старший брат Павел хорошо играл на мандолине. Кстати, некоторые, возможно, помнят дядю Пашу. Одиннадцатилетним ребенком он упал с новых ворот, сломал себе обе ноги и на всю жизнь остался инвалидом. Это он прокопал спуск с кручи на «школьной» речке около дома, где сейчас живут Шатило. Всю жизнь дядя Паша проработал в управлении железной дороги, был награжден орденом Ленина, а на лето он иногда приезжал в наш пионерский лагерь, где вел бухгалтерский учет.



Все дети очень дружили с детьми семьи Соловьевых. Старший сын Соловьевых - Владимир Николаевич – женился на дочери местного священника Петра Серебрякова, который впоследствии был репрессирован и умер в ссылке от голода. В начале 60-х годов дочь отца Петра приезжала к нам, Владимир Николаевич в то время работал директором института марксизма-ленинизма в Москве. Почему я пишу об этом? В последнее время часто можно услышать фразу, что «в селе интеллигенты жить не могут». Настоящие интеллигенты могут жить везде и оказывать благотворное воздействие на окружающих.

Вот в такой обстановке вырос мой папа. С детства он любил охоту, в 12 лет ему купили первый улей – это было одним из любимых его увлечений. Он прекрасно разбирался в технике, работал на Сосновской МТС. В конце 30-х годов его, как хорошего специалиста, посылали в Краснодарский край на установку котлов. Поэтому, когда его призвали в армию, он не испытывал трудностей в службе, легко сходилась с людьми. Попал он служить на Балтийский флот, на линкор «Октябрьская революция» (бывшее

название линкора – «Гангут»). База флота находилась в Кронштадте, рядом, в Ленинграде, жила папина сестра тетя Таня с мужем и 15-летним сыном. На корабле папа в свободное от вахты время выточил и собрал два макет своего корабля, один макет был установлен на корабле, второй подарили шефам – заводу, за что папа получил приглашение работать на этом заводе по окончании службы. За участие в финской кампании папа был награжден медалью «За отвагу». Медаль вручал в Москве сам Калинин. Папа встретился в Москве со своим другом детства Петей Соловьевым, который к тому времени уже был студентом академии связи. Как он потом вспоминал, когда они с Петькой шли по Москве, толпа мальчишек бежала за ними с криками «Награжденный!». В общем, жизнь была прекрасна. В июне 1941 г, когда весь Балтийский флот находился в Финском заливе, грянула война. Флот оказался запертым. Целыми днями над головами носились «Юнкерсы» и «Мессершмидты». Бомбили Ленинград, бомбили флот. Папа был старшиной второй статьи, командиром второй башни. С кораблей прямой наводкой расстреливали цепи пехотинцев. Стреляли так, что еле успевали подносить снаряды. Однажды папу пригласили на ленинградское радио, для него уже был подготовлен текст, в котором было написано, что на снарядах моряки писали «за Родину!», «за Сталина!». Сослуживцы потом над папой подшучивали – некогда было писать. В конце сентября, во время одной из передышек папа заснул и ему приснился сон, что он провалился под кручу и не мог оттуда выбраться, а его «замочный» Юшин протянул ему руку и вытянул его. Через три дня во время бомбардировки одна из бомб попала во вторую, папину, башню. Когда папа очнулся, горел синий аварийный свет, а Юшин со словами: «Кажется, живой» протянул ему руку. Он попытался встать, но понял, что ранен в обе ноги. Весь этот бой описан в романе Кетлинской «В осаде», где папа выведен под фамилией Лебедев. Затем был Кронштадский госпиталь, где хирург пытался спасти обе ноги. Потом папу перевели на Васильевский остров в госпиталь на 6-й линии. Началась гангрена, одну ногу пришлось ампутировать. В Ленинграде была блокада, голод, папу по очереди навещали сестра и ее муж Козлов Иван Иванович, а также моряки-сослуживцы. Однажды Иван Иванович пришел и сказал: «Наверное, Боря, я пришел к тебе в последний раз». Его слова оказались пророческими, кажется 14 декабря должны были повысить паек хлеба, но этого не произошло, и Иван Иванович умер. Тетя Таня долго собирала куски хлеба, чтобы было на что отвезти его тело на кладбище и похоронить.

Затем был еще ряд операций, а когда была установлена ледовая «Дорога жизни», папу вывезли под бомбежкой на Большую землю и отправили в госпиталь на Урал в Верхние Чусовские городки.

Инвалидом в начале 1942 г. папа вернулся в родное село, к тому времени в конце декабря 1941 года умер его отец, а мать парализовало. Домишко, который его родители купили после выхода отца на пенсию, почти развалился. Мы прожили в нем до 1957 года, когда, наконец, начали строить новый дом. Папа, высокий и крупный, с трудом ходил на протезе, поэтому все ходили к нам. Собирались участники войны – дядя Петя Самсонов, тоже без ноги, дядя Паша Ефремов – бывший разведчик. Разговоры были снова о пережитом на войне. Папа не любил пить спиртное, я никогда не видела его пьяным. Только где-то в начале 60-х приехал с Дальнего Востока навестить сестер его друг детства Витя Волхонский, летчик, полковник ВВС. Встретились благополучный человек и папа с его исковерканной войной судьбой. Мама говорила, что это был единственный случай, когда видела папу пьяным. (Дядя Витя Волхонский после отставки возглавлял Саратовский аэропорт).

Для меня папа был идеалом, хотя мы иногда и спорили о чем-то. Он очень любил маму, нас. Часто напевал «Наш уголок нам никогда не тесен» или «Доченьки, доченьки мои». Став взрослой, я узнала, что он пел песни из репертуара Козина и Вертинского. По вечерам он много читал. Любимым писателем у него был Чехов. Наверное, на каждый случай жизни папа мог вспомнить какой-нибудь рассказ Чехова. Некоторые романы он читал вслух для мамы: «Анну Каренину», «Войну и мир», «Воскресенье» Толстого,

романы Драйзера, Мопассана. Мама, по утрам сгоняя корову в стадо, пересказывала содержание прочитанных романов соседкам, и они ждали следующего утра, чтобы узнать продолжение.

Папа был замечательным отцом.

Его окружали хорошие, интересные люди. Во время войны в селе был в эвакуации скульптор Баженов. Он тогда для нас без инструментов вылепил два кувшина (один несколько лет назад разбили, а другой до сих пор храню как реликвию), начал лепить папин бюст, не знаю, закончил ли он его или нет.

У папы были золотые руки. Он мог починить часы, пишущую машинку, вырезать из дерева игрушку. Когда папа с мамой поженились, у них не было ничего. Тазики и корыта он делала из алюминия от разбитых самолетов. Комод для белья он делала всю зиму, сделал на нем резьбу, точеные пилястры, покрыл несколькими слоями политуры, сделал буфет для посуды. К папе приходили вдовы тех, чьи мужья погибли на фронте, с различными просьбами. Он старался выполнить их просьбы в первую очередь, не взяв с них ни копейки. Когда у дяди Миши Вахлаева сломалась пружина у ружья, никто не брался его отремонтировать, а папа сделал. Собирал выброшенные на помойку старинные часы, римские, как он говорил, им в то время было приблизительно 150 лет. Эти часы ходят до сих пор и отбивают положенное время.

В числе его близких знакомых были местные врачи: фронтовичка Мисник Евгения Никитична, Степанова Наталия Ивановна, главврач психбольницы Иванов Николай Васильевич, Кащеев Алексей Алексеевич, с которыми они иногда вместе охотились. Помню, где-то в 1955 г. маму положили в больницу, и мы остались с папой. Папе ночью стало плохо, сильные боли в животе, утром он сам пошел в больницу, расстояние, которое мы обычно проходили за 7 минут, он прошел за час. Алексей Алексеевич поставил диагноз – острый аппендицит, во время операции выяснилось, что начался перитонит. Операция длилась более двух часов. А через неделю после выписки из больницы утром к



С Абрамовым Иваном Максимовичем

дому подъехали сани, в них был Алексей Алексеевич: «Борис Степанович, я за тобой, поедem, поохотимся».

Людей как магнитом тянуло к нему. Среди тех, с кем он общался, были и старый белый офицер Воскресенский, и дед Кузьма Миронов. Приходили к нему и дети всех возрастов. Зная, что в тяжелые послевоенные годы многие из них не видели сладкого, он старался каждого ребенка накормить медом.

Когда папы не стало, пришлось проводить его столько людей, что для всех не хватило места не только в доме, но и во дворе. Перед домом кругом стояли люди. Провожали его и охотники с ружьями и на мотоциклах. Кто-то тогда сказал, что пришло около полутора-двух тысяч людей. А после похорон к маме иногда подходили люди, выражали соболезнования и извинялись за то, что по каким-либо причинам не смогли проводить нашего папу. Умер он в санатории «Октябрьское ущелье» 26 февраля 1969 года, не дожив до 54 лет двух месяцев.

Уже после папиной смерти из Ленинграда прислали небольшую книгу Николая Флерова «Корабль имени Революции», в которой сказано несколько добрых слов о папе. Жаль только, что он не увидел ее.

Спасибо тем, кто еще помнит моего папу.

Татьяна Леднева

С юбилеем!

Сообщаем, что скромной помощнице «Совета Землячества» Саратовой Валентине Климовне исполнилось 75 лет.

Поздравляем юбиляру и от имени «Совета» награждаем «Жалованной грамотой»!



Место встречи – Чиганак

Во времена нашей юности любимым местом отдыха был Чиганак. Этот взгорок заросший березами, ольхой и осинником чудесным образом притягивал к себе, хотя в окрестностях нашего села красивых и удобных мест множество. Сейчас Чиганак уже не тот. Добыча глины для кирпичного завода сделала свое черное дело. И вроде не глубоки искусственные овраги – душу они не греют. Пятьдесят-сорок лет назад молодежь нашего микрорайона, а это Идолга, вокзал, школа, улицы в направлении пионерского лагеря, каждый выходной проводили на Чиганаке. Зимой целыми днями катались на лыжах, санках... Гора здесь в меру крутая, переходящая в равнину с озерцом, не замерзающим даже в морозы. Набегавшись, мы пили из него воду. Гладь озера была зеркальной. Дно покрывала зеленая травка, а в воде отражались березы. Зимой они склонялись под тяжестью снега, и мы проезжали под ними как по тоннелю.



В Чиганаке. Люба Михайлова, Света Коркина, Валя Андреева, Катя Карпова

Олег Чернов, Слава Вахлаев, Боря Мисник, Катя Сидорова, Валя Андреева, Гена Медведев, Володя Степанов, Галя Тарасова – по сути, уже тогда, в 50-е годы здесь формировалось ядро нашего Землячества.

В какое-то время к нам присоединились и пять приехавших в село медсестер. Их поселили в общежитие рядом с домом Гали Канаевой. Приехали Рая Букина, Галя Талалаева, Люба Ананьева, Элла, которая позже вышла замуж за Калашникова...

Чуть таял снег, по шпалам железной дороги ходили в Чиганак, в березовую рощу за первоцветами. Собирались здесь и летней порой.

Для грибников было особое раздолье. Подберезовики и осиновики в грибные годы можно было «косой косить». Но на эту тихую, смиренную охоту толпой не ходили, больше двух не собирались, а лосей отпугивали звякая ведрами.

Люба Горшкова (Михайлова)

Есть билет на балет!

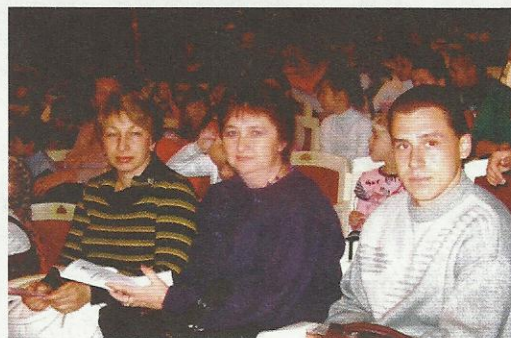
А на трамвай билеты учителям и ученикам нашей Озерной школы не потребовались. Огромный автобус подвез все сорок человек прямо к подъезду театра оперы и балета имени Чернышевского во время осенних школьных каникул. Этот подарок, поездку в театр, преподнес учителям и школьникам Совет «Землячества Озерное-Дурасовка», заручившись спонсорской и организационной помощью земляков – бывших учеников школы.

В этот день в репертуаре театра значился балет Родиона Щедрина «Конек-Горбунок». Почему именно в этот театр и на этот спектакль привезли земляки своих подшефных? Дело в том, что многие школьники еще ни разу не бывали в театре, и очень хотелось, чтобы знакомство с миром театрального искусства начиналось в лучшем театре города. Ведь внешняя привлекательность театра, яркие сказочные декорации, хорошая хореография и гениальная музыка молодого Щедрина, наверняка оставят неизгладимый след в юных душах.



А после спектакля был обильный обед в студенческой столовой экономического института, а потом прогулка по городу и посещение «Музея боевой Славы» на Соколовой горе. Мальчишки одобрительно рассматривали и похлопывали огромные танки, а девочки кокетливо фотографировались на фоне длинноствольных пушек. Поднялись к «Журавлям», свысока посмотрели на дымный и неповторимый город, на Волгу, которую оказывается можно увидеть всю сразу, если не в длину, то хотя бы в ширину, а потом сели в автобус и уехали. Уехали в свое родное и неповторимое село Озерное, которое тоже очень живописно, и всё сразу, смотрится с Саратовской горы.

*Хранитель Протокола «Землячества»
Олег Чернов*



К 50-летию полета Ю.Гагарина в космос.

Легкое прикосновение нашей школы к великому событию.

С места приземления - к старту!

Что было, то было. Ровно 50 лет назад, солнечным апрельским днем я прогулял занятия в своей Дурасовской сельской школе. Причину прогула не помню, но его последствия врезались в память навсегда. Дома был включен радиоприемник, и я первым из своего класса услышал о том, что в космос полетел Гагарин. Я побежал в школу и буквально взорвал тишину, начав орать о случившемся еще в коридоре.

И совсем не случайно я был одним из организаторов велосипедного 350 километрового похода к месту



приземления Гагарина к его годовщине в 1962 году.

Велопробег состоялся в июне 1962 года. Возглавил его наш преподаватель физкультуры и неизменный тренер Дурасовской туристической команды Александр Георгиевич Шепелев. Такие дальние и интересные походы мы до этого не совершали, а потому готовились очень тщательно. Какие-то проблемы с

техникой и мелкие трудности довольно быстро забылись, а ощущение сплоченной команды и острые впечатления от новизны увиденного незабываемы. Нас было десять человек и я вспомню всех поименно: - **Шепелев Александр Георгиевич, Мисник Борис, Карпова (Сидорова) Катя, Андреева (Денисенко) Валя, Якименко Саша, Вахлаев Слава, Амиров Саша, Тимофеев Юра, Афанасьев Толя, Олег Чернов** (автор этих строк).

Словно предчувствуя, что вот-вот прикоснемся к чему-то важному, историческому мы с самого начала похода вели дневник, тщательно прорисовывали маршрут, много фотографировали на «Гагаринском поле», разговаривали с Анной Тахтаровой, которая первой встретила космонавта на земле.

Теперь и дневник, и самодельную карту маршрута и фотографии можно увидеть в Саратовском музее Ю.А.Гагарина, которым руководит Александра Васильевна Россошанская. Кстати, в юбилейном 2006-ом году ученики и учителя из нашей Озерновской школы побывали в музее и Александра Васильевна по моей просьбе специально для них провела двухчасовую лекцию-беседу. Можно сказать, круг замкнулся, преемственность состоялась.

, А в 1964 году меня призвали в армию и волей случая я оказался на месте Гагаринского взлета - стартовой

площадке №1.

Гагаринском старте. Ничего

более грандиозного до той поры я не видел. Поражала не столько величина конструкций, а



глубокий пламеотводный каньон, выложенный сизыми от опалившего их жара, титановыми плитами. Ещё не успев увидеть ни одной ракеты, не ощутив их сатанинскоё мощи во время старта, я подумал о том беспредельном бесстрашии, которым должен обладать человек согласившийся войти в этот вот лифт, подняться до верхней отметки и позволить захлопнуть за собой люк космического корабля. Ну, насчет космического корабля это громко сказано. Так, небольшая, в общем-то, металлическая капсула способная защитить человека в очень ограниченных пределах.

Эта тема к шуткам не располагает, но, тем не менее, мне очень понятен современный анекдот про Гагарина:

- Восклицание Гагарина «Поехали!» на самом деле отрывок из длинной фразы, которая полностью звучала так: - «Мужики, вы чего люк-то задраили? Вы что, всерьёз собираетесь меня в этой железяке в космос отправить? У вас что, крыши поехали!?»

В те времена мы не называли место своей службы ни космодромом, ни Байконуром, тем более, что поселок с таким названием находился за сотни километров, в другой части Казахской степи, где были выстроены из фанеры ложные стартовые конструкции для съёмки с американских спутников-шпионов. Место, где мы служили, называлось Полигоном. Полигон - это множество стартовых площадок, боевых и космических, сотни километров бетонных и железных дорог, десятки военных городков, тысячи людей в погонах и бескрайняя степь, закутанная в колючую проволоку. Но в какой бы части Полигона



человек ни находился, чем бы ни занимался, к космическим пускам каждый чувствовал себя причастным. Я забыл имя подполковника, который любил рассказывать о том, что ему доверено было нажимать кнопку во время старта Гагарина, но у меня еще тогда появилось ощущение, что нажимать кнопку, это все равно, что мыть посуду после банкета - главное уже произошло. Кнопка - это формальность.

Я несколько раз видел Гагарина издали - не солдатское это дело с полковниками общаться, но однажды повезло.

У нас в части был выстроен бассейн, а заполняли его водой из скважины. Вода оказалась минеральной, чуть ли не целебной и наш командир-полковник многих увлекал в нем поплавать. Бывали артисты из Москвы, приезжавшие на Полигон с концертами, часто бывали люди с большими звездами на погонах, главный конструктор

Королев в штатском, а однажды приехал и Гагарин. В бассейне я его не видел, но вечером, когда мы играли в волейбол, штабные против роты связи, вдруг появился Юрий Алексеевич в спортивном костюме и тут же включился в игру. Азартный был. Кричал: - «Дай пас, дай пас хороший!». Никто из нас в то время «великость» момента не чувствовал. Мне он пообещал «...за такие подачи руки повыдергивать», а я ещё имел наглость обижаться.



Сейчас с гордостью говорю, что он был первым моим тренером по волейболу.

Ленинск, Байконур, Звездоград, Тюра-Там, «Десятка», Ташкент-90 – всё это названия одного места. Секретность секретностью, но ведь надо же как-то обозначать место действия!

Площадки, старты, ракеты, железные дороги, тысячи людей в погонах, колючая проволока и бескрайняя степь-матушка. Хотя, это о нашей заволжской степи можно сказать «матушка», а тамошняя степь почти пустыня, суровая, чужая. Правда ранней весной на миг покраснеет от тюльпанов и тут же опять суреует. И все это – **Полигон.**

Дороги длинные, прямые как стрелы. 1-й подъем, кислородный завод, 2-й подъем, восьмое КПП – вехи на дорогах. Почему так назывались? А Бог их знает. Тогда уже мало кто знал, а теперь и подавно вряд ли кто вспомнит. Не тепловозы – мотовозы, не ракеты – «машины», «изделие №...». Служба не легкая, но наполненная запредельным смыслом. Дедовщина? Да какая там дедовщина, если чуть ли не на каждой «площадке» либо памятник, либо памятная доска – «Здесь, при выполнении боевого пуска... погибли...» и длинный список имен. Ведь по началу ракеты взрывались едва ли не чаще, чем взлетали.

Сейчас Полигон принадлежит Казахстану. Мы арендаторы. Военные городки почти все разрушены, боевые стартовые конструкции сданы в металлолом. Неужели наши памятные доски тоже?



Первый увиденный ракетный старт вспоминается как сон. По громкой связи

команда: - «Ключ на старт!». Ракета окутывается пламенем, через мгновение показалось, что она раскалилась до прозрачности, что вот-вот просто



растечется лужей по бетонке старта, а потом страшный треск огромной разрываемой простыни и облегчение – ушла!

Знал офицеров-ракетчиков, классных специалистов, которые ни одного пуска «вживую» не видели. Их удел – бункер с приборами, а там форточек нет.

Особая наша боль – Комаров. Буквально за неделю или две до рокового полета он встречался с нами, солдатиками, в клубе, фотографировался. У меня в записной книжке расписался. (Этот автограф я отдал нашей школьной пионервожатой Кате Карповой. Потеряла, наверное.) А потом *тот* апрельский день 67-го года и ощущение полного бессилия. Наши офицеры-ракетчики ходили с черными лицами, некоторые плакали не стесняясь. Комаров ещё на орбите был. Потом уже, в дополнение ко всему добавилось пресловутое «скручивание строп парашюта».



Это был первый случай, когда Космос не простил ошибки конструкторов.



Когда летал Леонов, мы по своей «внутренней связи» за каждым его шагом следили. При возвращении из открытого космоса

на корабль он застрял в люке. На Полигоне тихая паника поднялась, а он ничего, воздух из скафандра стравил, перевернулся ногами вперед и протиснулся. Потом об этом с юмором рассказывал, я сам его слушал.

На полигоне существовало объединение самодеятельных поэтов. Выпускали ежегодный журнальчик-альманах в виде малоформатной книжицы с громким названием «Звездоград». Мои стихи там



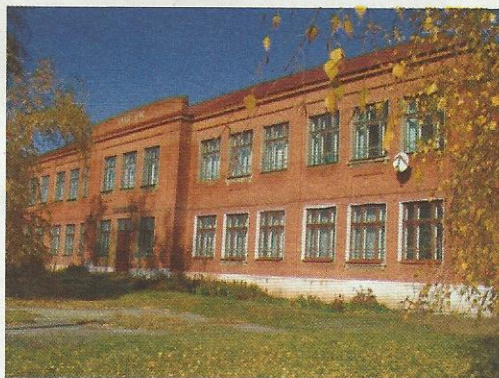
печатали.

А ещё в Гагаринском музее можно увидеть мою потрепанную солдатскую панаму, фляжку, в которую наливался неприкосновенный запас воды, и самиздатовский сборничек моих стихов. Пусть лежат. Может через много лет кто-то из наших ребят после полета в космос придет в этот легендарный музей и удивится. Здорово! Наши, Дурасовские, уже успели здесь отметить!

Олег Чернов, член Союза журналистов РФ. Все фотоснимки авторские

В память о защитниках отечества

К 60-летию Победы мемориальная доска с надписью «В этом здании в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. располагался военный госпиталь №3887» установлена на школе села Озерное Аткарского района. Сегодня тех, кто мог бы рассказать о событиях тех дней, уже не найти. Ушла из жизни и бывшая санитарка Евдокия Курносова. На открытии



мемориальной доски она вспоминала, как выбивавшимся из сил сотрудникам приходилось хоронить умершим прямо здесь, у школы, в общих могилах. Кто-то помнит, что был на том месте яблоневый сад, позже здесь разбили школьный стадион. *(Примечание редактора-очевидца. Яблоневый сад находился через дорогу, а однажды я участвовал в географическом раскопе разреза земли, как раз на том месте, где сейчас ребята в лапту играют. Откопали несколько черепов и множество костей. Куда всё это делось – не знаю. Война ещё рядом была, и отношения к*

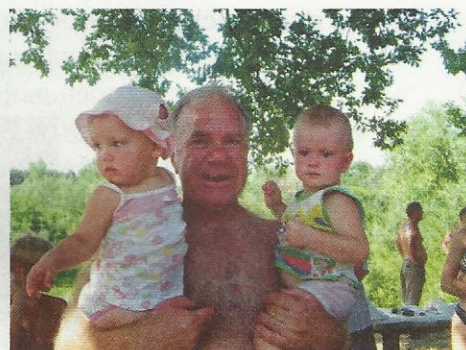
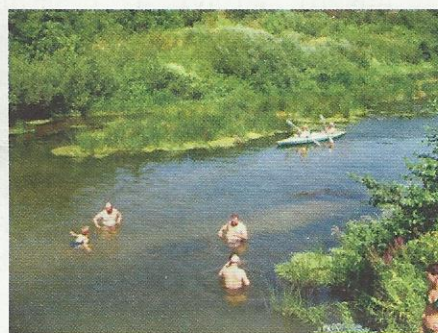
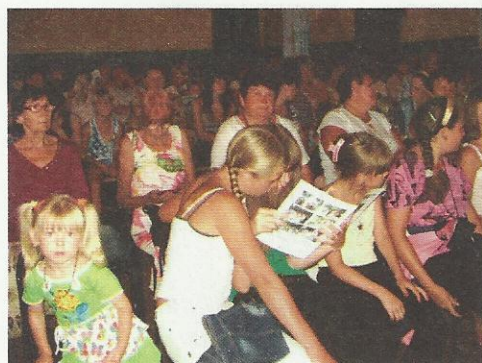
смерти и её последствиям было другое. Не равнодушное, а какое-то привычное. О. Ч.)

Сейчас, как сказала директор школы Светлана Алексеевна Лазарева, принято решение установить на этом месте Памятный знак. Должно помочь в осуществлении этого замысла и Землячество «Озерное-Дурасовка». В ряду добрых дел этой общественной организации – установленные Поклонные кресты на месте захоронения умерших от голода весной 1933 года в селе Чернышевка, бывшего Дурасовского, теперь Аткарского района, а так же на местах пяти бывших деревень: Чернышевки, Семеновки, Коммуны (Рейников хутор), Ульяновки, Красавки.

Пока живо поколение помнящее войну, надо успеть сделать всё, чтобы увековечить правду и память о тех, благодаря кому была достигнута Победа.

Давиденко Наталья. Член Союза журналистов РФ

Фотогалерея «Вече 2010 года»



Газета «Землячка» публикует материалы основанные только на местных исторических и современных событиях. Каждый земляк имеет право и возможность на публикацию.

Издание общественно-приятельской организации «Землячество Дурасовка-Озерное». Тираж 500 экз. Заказ 4457.
Главный редактор, член Союза журналистов РФ **Чернов Олег**. Адрес почты: **oleg 19450 @ rambler.ru**
Сайт «Землячества» в интернете - www.zemlyak.newmail.ru Тел.- 89271201464 E-mail: zemlyak@newmail.ru
Компьютерная верстка **О.Чернова**.

Отпечатано в ОАО «РИК «Полиграфия Поволжья». г. Саратов, ул. Вишневая, 10.